

Эта статья — очерк, эссе, можно придумать и другое жанровое определение — прислана из Франции. Автор ее — русский композитор Валерий Арзуманов. Одновременно со статьей он прислал краткую автобиографию. Цитирую:

«Арзуманов Валерий Грантович, 45 лет. По образованию композитор. Верующий. Самый близкий образ — Христа. Ни в какой религиозной «партии» не состою. Душевно открыт ко всем религиям в их культурно-историческом аспекте. Поэзию и литературу ценю выше музыки. Любимые поэты — Мандельштам, Ахматова. Любимые писатели — В. Шаламов, А. Платонов, А. Солженицын [до «Архипелага»], В. Гроссман [последние сочинения]. В музыке ценю выше всего мировой фольклор. Сочинять же вижу смысл, в принципе, лишь то, что могу исполнить [спеть, сыграть] сам».

Из автохронографа:

1944 — рождение в лагерной зоне, на Крайнем Севере [недалеко от Воркуты]. Родители были репрессированы в 1936-м как «враги народа» [статья 58—10].

14—19 лет — интернат «Школы одаренных детей» в Ленинграде.

19—24 года — Ленинградская консерватория, классы композиции В. Н. Салманова и скрипки М. Комиссарова.

24—27 лет — аспирантура, преподавание композиции в школе-десятилетке при консерватории, потом преподавание оркестровки и чтения партитур в консерватории.

1974 — брак с французской подданной Катрин Бадур.

Принят в Союз композиторов в 1968-м, избран в правление Ленинградской организации в 1972-м, исключен «в связи с желанием выехать во Францию» весной 1974-го.

1974—1978 — поступление по конкурсу во Французскую национальную кон-

...«Бегство на Восток», в «примитивы»...

Оно нужно было нам не для расширения кругозора и звуковой палитры. Подлинная суть его — реабилитация своего собственного прошлого, попытка разобраться в нашей музыкальной истории, искаженной практикой последних веков. «Рассмотрев вблизи» другие народы, находящиеся, так сказать, на низшей стадии развития, мы смогли по-новому взглянуть на самих себя. Вернее, «по-старому». Так, как было несколько веков назад. Мы смогли в бесконечном море музыкальной информации выделить те крупницы, которые меньше других оказывались подвержены эрозии времени, которые уцелели (ой, как мало!) в той нескончаемой многовековой буре, что бушевала над Европой сотни лет.

Египетское искусство — начало всему. Оно мне кажется наиболее актуальным из всей древности. Жаль, что «музыкальных следов» нет. Но все остальное вполне многозначно. Чего стоят одни саркофаги в British Museum!

Древняя Греция. Не «монументальная», «имперская», с этим безобразным культом тела, силы, спорта... Я имею в виду другую Грецию: трагическое в «Одиссее», Эсхил, понятие «судьбы», «рока». Музыка чисел, «этос ладов», — теория ритма в системе версификации... и еще одно: роль хроматизма в греческой музыке, того, что стало малой секундой в Европе. Объект немаловажный, ибо по-новому ориентирует исторически всю нашу интервальную «чувствительность». После изучения древнегреческой музыки в ее теоретико-философском аспекте по-новому можно взглянуть на современный балканский фольклор. Есть вещи интереснейшие. И весьма древние...

Следующий этап — христианство.

Это основа всего. Христианская Европа — католики, протестанты, православные, вплоть до монофизитов (армянская и грузинская церкви) — это огромный мир, богатый, ба-

И далее:

«Особенностью нашего времени считаю глубинную, органическую необходимость слияния русской духовности и западноевропейской цивилизации... Основное, что вносим мы, — это нравственный опыт мучеников. Мучеников веры, революции, войн и нашей невозможной вчерашней и сегодняшней повседневности».

Марина РАХМАНОВА

НЕЗРИМЫЙ СВЕТ ВЕКОВ

всегда страдает в одиночку. А без страдания постижение истин христианских невозможно. Во всяком случае, в современном мире, утерявшем полностью глубинный смысл традиций.

Каковы же характеристики этой «первичной», основной, прибавим, христианской музыки?

Можно, конечно же, проследить ладовую преемственность от греков и провести линии от синагогального мелизматического пения, — следов христианства превеликое множество и я совсем не против их изучения. Но вот это обилие материала и пугает. Ограничиться его музыковедческим или даже композиторским освоением нельзя. Главное здесь — понять принцип, «механизм».

Мне пришла в голову одна цитата из Филона Александрийского. Филон сей сказал следующее: «...Из общения людей... рождается неизлечимая болезнь, парализующая

серваторию в класс Оливье Мессиана, учеба у него.

«Рутинная «арифметика» современной музыки показалась мне отныне неприемлимой. Исполнял я мою «прямую» музыку следующим образом: вокальные импровизации соло или с сопровождением. Я упорно изучал принцип игры на восточных ударных и струнных. Моя музыка не нашла горячего отклика у моих новых западных коллег, критерием которых являлась (и является по сей день) интеллектуальная сложность, тщательная проработка деталей и звуковая «эффективность». Парижской консерватории я не окончил, ибо по их вековым правилам мне следовало написать оркестровое сочинение, в чем я не видел никакого для себя интереса.

В конце 1988-го года прошли — и со значительным успехом — первые авторские концерты Арзуманова на Родине, в Ленинграде, и в Москве. Образовался, пусть узкий, круг музыкантов, композиторов и исполнителей, заинтересованных в его творчестве.

В предлагаемом читателю тексте мне ближе всего размышление о «главной», «первичной» музыке христианства: и сказанное об ощущении «музыки после» и все приведенные автором музыкальные примеры... Предполагаю, что кто-то, как и я, сплотится об абзацы, посвященные «вторичной» христианской музыке, о «холодные, как лед, скучные мессе», о «тупоумие и медлительность большинства православных служб». Не торопитесь осуждать. Снова цитирую автобиографию:

«В выходе на покаяние и молитву огромную, неоценимую помощь оказал мне Евгений Иванович Евец — регент кафедрального собора Александра Невского в Париже. Я пол в его светском и, немощно, в церковном хорах. Время от времени он, в индивидуальных беседах, вводил меня в свое мощнейшее интуитивное понимание православных таинств».

Подчинившись государству, превратилась она в такой же инструмент подавления, как армия, полиция. Только более subtilный, а посему во многих случаях более действенный.

Мне кажется, что укрупняясь, христианство превратилось в массовое движение чисто социального характера. Ибо идея христианская, при всем своем высочайшем демократизме, антигосударственной направленности и суровости к богатству (вспомним: «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Небесное») — есть идея чисто духовная и индивидуальная по сути. Это — обращение к каждому человеку в отдельности, «весть из уст в уста», последняя надежда малого истрадавшегося народа. А движение масс — это Рим, империя, рабы, войны, восстания, борьба за блага земные. Спартак — вполне массовый герой. В христианстве же ничего подобного нет.

Можно, вероятно, предположить, что изначальный смысл, дух был утерян христианством по мере его победного шествия по Античному миру.

Вот весь этот многовековой историко-политический шум и лег в основу «вторичной» христианской музыки.

Это — детище правящей церкви, церковно-государства, насквозь земное и подцензурное.

Примеров здесь, к сожалению, еще больше. Бессмысленные массы, холодные как лед, скучные даже у великих. Тупоумие и медлительность большинства православных служб. Весь этот фальшивый, насквозь дидактический околочерковный фольклор, детский и взрослый. Претенциозные крупномасштабные Реквиемы и «Страсти» композиторов современных (уже совсем дешевая «распродажа») — список весьма долог.

«Вторичной» церковной музыке принадлежит, вероятно, первенство в почет-

верхностью воды. Тишина полнейшая, покой почти застывшей воды. Полнейшая невесомость тела. Его просто нет! Все вокруг — будто из хрустала. И главное — нет больше времени, нет больше мыслей...

Знаю, что больные (не раз сам слышал об этом), возвращаясь в мир сей после долгой, тяжелой болезни, часто говорят именно об этом: легкое (вне времени) парение возвратившейся души...

Именно такой мне и видится «главная» христианская музыка.

Очищенность, бесстрастность какая-то, совершенно бесконечная детскость. И в то же время — ровная, мягкая интенсивность. (Ох, как нелегко слова для этого подобрать!)

В истории нашей музыки немало тому примеров. Чаще всего это какие-то кусочки, отрывки. На ум приходит «Песня Юродивого» из «Бориса», поздние адажио Бетховена («Das war einmal ein akmes Kind»

чисел, «этос ладов», — теория ритма в системе версификации... и еще одно: роль хроматизма в греческой музыке, того, что стало малой секундой в Европе. Объект немаловажный, ибо по-новому ориентирует исторически всю нашу интервальную «чувствительность». После изучения древнегреческой музыки в ее теоретико-философском аспекте по-новому можно взглянуть на современный балканский фольклор. Есть вещи интереснейшие. И весьма древние...

Следующий этап — христианство.

Это основа всего. Христианская Европа — католики, протестанты, православные, вплоть до монофизитов (армянская и грузинская церкви) — это огромный мир, гораздо более единый в основе своей, нежели разобщенный границами, языками и расами. 2000 лет единой, в сущности, христианской истории. И в нашем современном мире, все больше и больше «откалываемся» от прямых национальных традиций, будь то традиция церковная или уклад повседневный, рабочий, семейный — это изначальное единство обретает какую-то новую, головокружительную остроту.

Дискредитация правящей церкви в глазах интеллигенции прошлого века, ее тяжелой декаданс, а главное, полное отделение церкви от государства — все это оказалось в конце концов гигантским «стимулятором» для формирования нового религиозного сознания. Основанного не на государственной доктрине, а стигматизирующего самую суть христианства, его изначальный дух. В этом возвращении к евангельским корням, к элементарным христианским истинам мы все равны. «Обойти» это не дано.

Новый завет был дан нам в слове. Евангельские тексты — это литература. Смысл учения был изначально раскрыт посредством слов Евангелия и впоследствии укрупнен, сделан доходчивым в ритуале, литургии.

Посему музыка в христианстве второстепенна. Ее служебная роль — «донести» слово, облечь его в музыкальную плоть. При этом очевидно прослеживаются два направления, диаметрально противоположных, в бытовании церковной музыки.

Первое — музыка «изнутри», как бы музыкальный комментарий евангельских и неевангельских текстов. Суть этой музыки — попытка пролить дополнительный свет на изначальные евангельские истины. Или, на худой конец, — попытка удержать, укрепить вечно ускользающее слово (ибо, к сожалению, смысл слов быстро выветривается со временем). Эта «внутренняя» музыка в сущности своей сугубо индивидуальна. Так же как и таинства христианские человеку дано постичь лишь изнутри, из своей собственной судьбы. Страдание, смерть и просветление (Воскресение) — факты личные, индивидуальные. Человек

Каковы же характеристики этой «первичной», основной, прибавим христианской музыки?

Можно, конечно же, проследить ладовую преемственность от греков и провести линии от синагогального мелизматического пения, — следов христианства превеликое множество и я совсем не против их изучения. Но вот это обилие материала и пугает. Ограничиться его музыковедческим или даже композиторским освоением нельзя. Главное здесь — понять принцип, «механизм».

Мне пришла в голову одна цитата из Филона Александрийского. Филон сей сказал следующее: «...Из общения людей... рождается неизлечимая болезнь, поражающая души». Фраза очень категоричная. Сказано было по поводу общения в городах, но в нашем современном мире, думаю, вполне применимая и шире. Может, причины болезни этой не только в общении?

Никто не станет отрицать, что душа человека взрослого намного загрязненнее, мутнее души младенца. Болезни душ наших — вещь очевидная. Проявляются они в разных формах, степень интенсивности их у каждого своя. Но принцип — един. Суть же таинства христианского и заключается в том, чтоб посредством страдания очистить, исцелить души наши.

Ритуальный «механизм» распятия и Воскресения — единственное, вероятно, для этого лекарство. Он не был нов ко временам Христовым. «Работа» сибирских шаманов или яванских, отыскивающих в невидимом мире заблудшую или похищенную душу — явление того же порядка. Библейская борьба Иакова с Богом — то же самое. Да вообще, примеров множество. Но в личности Христа они поднимаются на качественно новую ступень. Освобождение ценою смерти, как результат очищения страданием — столь могучей веры в духовную сущность человека мир времен Христовых не знал. Это и поставила церковь во главу угла. Эту-то идею и понесли по миру Евангелием, ее-то и попытался сохранить, «овеществить» церковный ритуал...

Однако возвратимся к нашей «первичной» христианской музыке. Что же, наконец, это такое?

По-моему, это — музыка «после». Состояние человеческой души, что даётся только распятием. Это и есть — Воскресение из мертвых. Освобождение от той страшной болезни души, о которой поведал нам Филон. Исцеление страданием и распятием.

Как можно охарактеризовать состояние это? Мне все время видится следующая сцена. Человек медленно скользит под водой, с открытыми глазами, по дну залитого солнцем бассейна. Мелкие клетки голубого кафеля, на которых играет солнце, преломленное слегка колышмой по-

Знаю, что больные (не раз сам слышал об этом), возвращаясь в мир сей после долгой, тяжелой болезни, часто говорят именно об этом: легкое (вне времени) парение возвратившейся души...

Именно такой мне и видится «главная» христианская музыка.

Очищенность, бесстрастность какая-то, совершенно бесконечная детскость. И в то же время — ровная, мягкая интенсивность. (Ох, как нелегко слова для этого подбирать!)

В истории нашей музыки немало тому примеров. Чаще всего это какие-то кусочки, отрывки. На ум приходит «Песня Юродивого» из «Бориса», поздние адажио Бетховена, «Das war einmal ein akmes Kind» из «Воццека», Хорал из скрипичного концерта того же Берга или «Erbarnte dich, mein Joff» Баха. Можно прибавить к этому трепетные миноры Чайковского, «Первую утрату» Шумана, какие-то куски из Шопена, некоторые хоралы Баха — перечисляю без предварительного отбора, лишь то, что сразу пришло в голову. Нужно не забыть и православную литургию, мягкий свет ее бесконечных покаянных миноров. Все это, по-моему — музыки изначальное христианские, евангельские. Даже если творцы их об этом прямо и не говорят, по тем или иным причинам, а может, и «не ведают».

Да, совсем забыл о Малере, о брукнеровских адажио, о Шуберте с чудом его мелодического «дления»... Примеров множество. Так же много их, если не больше, в мировом фольклоре.

Литература тоже дает немало примеров: князь Мышкин, доктор Живаго, эсхологические персонажи «Чевенгура» — все это герои, носящие частицу первохристианского солнца в сердцах своих. Их-то мир и прозвал весьма точно — «не от мира сего».

Прибавим еще Хлебникова, Лермонтова, Адриана Леверкюна в «Докторе Фаустусе» Томаса Манна...

Все это — пример особой концентрации «воскресного» ощущения, сгустки христианского «присутствия»... Эти кусочки христианского чуда видятся мне определяющими в творчестве всех этих людей, придавая ему вневременный, а посему — подлинно исторический смысл.

Но всегда следует помнить о той негативной, разрушающей роли, которую играла повсюду правящая церковь — Государство, Империя.

Вот тут и пойдет речь о «вторичной» христианской музыке.

Как смогла церковь «дойти» от раннехристианской свободы и подлинного демократизма до инквизиции, до имперской роскоши, до этого фальшивого величия? Вспомним садистские лица пап былых времен в Авиньоне и Риме. Вспомним блоковское «и крестом сыяло пузо на народ». Какие горькие, страшные, но, несомненно, правдивые строчки!

Вторичный шум и лег в основу «вторичной» христианской музыки.

Это — детище правящей церкви, церковногосударства, насквозь земное и подцензурное. Примеров здесь, к сожалению, еще больше. Бессмысленные массы, холодные как лед, скучные даже у великих. Тупоумие и медлительность большинства православных служб. Весь этот фальшивый, насквозь дидактический околоцерковный фольклор, детский и взрослый. Претенциозные крупномасштабные Реквиемы и «Страсти» композиторов современных (уже совсем дешевая «распродажа») — список весьма долог.

«Вторичной» церковной музыке принадлежит, вероятно, первенство в почетном ряду великих пропагандистских изобретений человечества.

Конечно, я сознаю, что разделение церковной музыки на «первичную» и «вторичную» — натяжка. В истории все гораздо сложнее, многозначнее. Но мне другого хода найти не удалось...

Мы живем в совершенно преобразованном мире конца XX века. Телефон, компьютеры, самолеты, информационный бум, стирание границ стран, континентов. Японцы фабрикуют «сверхисполнителей» классики, русские мальчики — бывшие школьные комсомольские вожак — культивируют hard rock, а французские интеллектуалы играют на гитарах. Музыкальное потребление колоссально, и место, кажется, есть для всего живого.

Есть ли место в этом «взрывающемся» мире для Древней Греции, Египта, для раннехристианских религиозных, моральных ценностей?

Прошло время, когда Европа, гордая своими культурными «завоеваниями», насаждала их по всему миру в качестве обязательного эталона. Кто знает, может, другие цивилизации вырабатывают сейчас новые, более адекватные ключи к современности.

Однако мы с вами живем в Европе. Европейская культура есть наше личное прошлое, неотъемлемая часть европейского «сегодня», основание, без которого выжить нельзя.

Посему, повторяю, мы вынуждены проделывать эту неблагодарную работу: проеять сквозь мелкое сито современности все долгие века нашей культуры.

И наш новый европейский дом, повторяю, возможен лишь «на базе» нашего общего египетского, древнегреческого детства, общей христианской юности и многих веков нашей общей, столь бесславной порою, взрослости.

И вслед за долгой болезнью и катаклизмами новейшего времени — последняя надежда: робкое, как первые цветы в тундре, еще малозаметное воскресение европейской цивилизации, чудом пережившей ритуальную смерть.

В. АРЗУМАНОВ.